

Глава 16

Надо признать, иероглиф «Собака» вышел на диво точным — если не считать того, что был он чертовски уродлив.

Цюй Дубянь поднял голову.

— Я написал что-то не так?

Великий наставник Фан долго молчал, лишь его седая борода мелко подрагивала. Он поперхнулся воздухом и ещё несколько секунд пытался совладать с собой.

— Не так, — выдохнул он и, взяв новую кисть, быстро начертил рядом правильный знак. — Вот как пишется «Отец».

— Ой! — Цюй Дубянь изобразил на лице крайнюю степень изумления, словно только что постиг великую тайну. — Оказывается, они совсем не похожи!

— Разумеется, не похожи! Как их вообще можно было перепутать? — Великий наставник Фан возвысил голос, но тут же спохватился и добавил тише: — И никогда, слышишь, никогда не ставь эти два слова в один ряд!

Мальчик послушно закивал, делая вид, что всё осознал.

Затем наставник велел ему написать ещё несколько простых иероглифов из «Троесловия». Цюй Дубянь прилежно выводил черту за чертой, пока не дошёл до более сложного знака. Там он намеренно замер и признался, что этого слова не знает.

На этот раз ошибок не было. Фан на мгновение задумался, а затем произнес:

— Сейчас тебе не стоит слишком торопиться. Какой толк уметь читать, если рука не может вывести иероглиф? Оставим так: я дам тебе задание. К следующему разу подготовь пятьдесят крупных знаков.

— Хорошо, — кратко ответил Цюй Дубянь.

Не случись того происшествия на Большой кухне, он бы сейчас ломал голову, где раздобыть бумагу и тушь, но теперь в его распоряжении было всё необходимое.

— Можешь идти, — распорядился учитель.

Прошла минута, но Цюй Дубянь не шелохнулся.

Великого наставника Фана вдруг осенило.

— Ах да, мне ведь тоже пора.

Он поспешно собрал вещи и покинул школу. Старик совсем позабыл: Маленький принц пробрался сюда тайком, и слуга ждет момента, чтобы незаметно забрать его. Пока учитель остается в зале, мальчик не может уйти.

Стоило Фану скрыться из виду, как из тени за окном показалось лицо Вэнь Сяочуня. Убедившись, что поблизости никого нет, он едва слышно позвал:

— Ваше высочество.

Цюй Дубянь подхватил свою сумку и бросился к окну. Спустя мгновение господин и слуга уже растворились в саду.

***

Дворец Цзюйань

После полуденного отдыха Цюй Дубянь устроился у окна, упражняясь в каллиграфии. Вечером, когда с ужином было покончено, И Шиэр бесшумно покинул дворец Цзюйань.

Услышав системное уведомление, Цюй Дубянь задумчиво посмотрел в сторону дворца Цяньцзи.

— О чем вы думаете, Ваше высочество? — поинтересовался Вэнь Сяочунь.

— О великом наставнике Фане.

Он думал о том, что если этому почтенному старцу не везет сейчас, то в будущем он наверняка навлечет на себя гнев императора.

— Ваше высочество так прилежны в учебе, — похвалил Вэнь Сяочунь.

Цюй Дубянь вздохнул, чувствуя, что совесть его не совсем чиста.

— Знаешь, Сяочунь... кажется, я совершил дурной поступок.

Он вспомнил тот взгляд, полный искренней заботы, которым Великий наставник Фан одарил его, вызволяя из-под стола. Вспомнил, как старик замялся, пытаясь оправдать слова Первого принца. Наставник наверняка догадался, кто перед ним, но предпочел играть в дурака. Скорее всего, он просто выжидает, видя, что государь не предпринимает никаких шагов. Впрочем, Фан мог и впрямь не узнать его, но даже тогда он помог скрыть присутствие «сына стражника», вопреки просьбе Цюй Дубяня во всем признаться.

И теперь мальчик не знал, как напрямую предупредить старика об опасности.

— Какой еще дурной поступок? — Вэнь Сяочунь нахмурился.

— Ну... — Цюй Дубянь замялся, не зная, как объяснить.

— Неважно, что это было за дело, — отрезал Вэнь Сяочунь. — Если дело и вышло скверным, то не по вине человека. Ваше высочество наверняка принудили к этому.

Цюй Дубянь замер.

— А если никто не принуждал?

Вэнь Сяочунь ответил не задумываясь:

— Значит, у Вашего высочества были на то свои причины.

— А если я просто... злой? — не унимался мальчик. — Если я захотел сотворить зло ради забавы?

— Мы с Сяюанем никогда не назовем поступки Вашего высочества дурными, — серьезно произнес Вэнь Сяочунь. — А если настанет день, когда кто-то посмеет сказать обратное — что ж, мы просто заставим всех этих людей замолчать или передумать.

Маленький принц всё ещё был ребенком, а детей нужно гладить по шерстке. Вэнь Сяочунь добавил мягко:

— И тогда никто больше не скажет, что Ваше высочество поступает плохо.

Добро и зло — понятия относительные. Если принц не хочет творить зло, нужно просто объявить все его деяния благом. Разве это сложно?

Цюй Дубянь лишился дара речи.

Он кожей чувствовал, как в словах и жестах Вэнь Сяочуня время от времени проглядывает темная, почти злодейская натура, даже когда тот пытался его утешить. Но в целом его рассуждения звучали наивно: в этом мире даже император не может заставить каждого восхвалять себя.

Мальчик обернулся к Е Сяююаню:

— Спутник Е, как думаешь, Сяочунь прав?

— Что там еще за «прав — не прав»? — Е Сяююань явно его не слушал, осторожно поднося чашу с молоком. — Выпейте это, Ваше высочество, тогда и сон будет крепким.

Что ж, на этом разговор закончился.

Цюй Дубянь выпил молоко и мысленно зажег поминальную свечу за здоровье Великого наставника Фана.

***

Великий наставник Фан в тот день задержался дольше обычного. Напоследок он завалил Первого принца горой заданий, проигнорировав его скорбную мину, и пообещал проверить всё завтра же.

Вдоволь намучив ученика, старик в прекрасном расположении духа зашагал прочь из дворца. Его благосклонность к Цюй Дубяню не была простой случайностью.

В годы правления покойного императора, когда северные варвары терзали границы, а Маркиз, Держащий Меч, вел войска на защиту рубежей, придворные чиновники были заняты лишь тем, что набивали карманы, воруя солдатский паек и жалованье. Прежний государь, хоть и любил праздную жизнь, в делах государственной важности сохранял удивительную ясность ума. Увидев, что наследие предков вот-вот пойдет прахом под его началом, он не на шутку испугался.

«Дело плохо, — подумал он. — Нельзя так продолжать, иначе после моей смерти предки призовут меня к ответу».

Он прекрасно знал, кто из подданных способен командовать войсками, кто — управлять народом, а кто — держать в узде самих чиновников. Взяв себя в руки, он тайно призвал Фан Хэчуаня и еще нескольких верных людей, начав большую чистку. Он убрал самых наглых взяточников и назначил Фан Хэчуаня военным министром, поручив ему управление военными делами.

В системе Великой Чжоу военное министерство ведало военным управлением, а Главное

командование пяти армий — военными приказами. Чтобы сократить проволочки, Фан Хэчуань, будучи военным министром, одновременно занял пост генерального инспектора Главного командования пяти армий. Фактически он сосредоточил в своих руках почти всю военную власть империи.

Нынешний император Чунчжао, приняв от отца разоренную страну, частенько поминал его недобрым словом, но в этом деле не мог не признать его мудрости. Далеко не каждый правитель найдет в себе смелость передать такую власть в одни руки — один неверный шаг, и династия Чжоу могла сменить имя.

К счастью, Фан Хэчуань оправдал доверие. Вместе с Маркизом, Держащим Меч — один в тылу, другой на передовой — они сумели подавить угрозу с Севера. В те годы, проведенные в совместной борьбе, между ними завязалась дружба куда более крепкая, чем обычное товарищество коллег. Они сохранили теплые отношения и до сих пор обменивались письмами.

Когда бури утихли, влияние Фана достигло своего пика. Он проявил завидную мудрость, вовремя отказавшись от постов в военном ведомстве. Спустя несколько лет он ушел в трехлетний траур по матери, исчезнув из столицы, а вернувшись, занял почетную, но тихую должность. Так его влияние постепенно перестало внушать опасения монарху.

После воцарения императора Чунчжао Фан получил титул Великого наставника — чин первого ранга. Несмотря на высокую обязанность помогать государю в делах правления, должность эта была скорее почетной, и сейчас старик в основном занимался образованием принцев.

Когда наложница Юнь носила под сердцем Седьмого принца, Маркиз, Держащий Меч частенько писал своему старому другу, не в силах скрыть радости в ожидании внука. Никто не мог предположить, чем всё это закончится. Старый друг просил Фана по возможности приглядывать за мальчиком — единственной кровью, оставшейся от его любимой дочери.

Наставник не мог отказать в такой просьбе, но дворец Цзюйань находился во внутреннем дворе, куда посторонним вход был заказан. И вот теперь, по воле случая встретив внука своего старого товарища, он, конечно же, решил окружить его заботой.

Не успел он пройти и половины пути, как услышал за спиной торопливые шаги.

— Господин Фан! Господин Фан!

Старик обернулся в недоумении:

— Что случилось? А, ты ведь служишь при Его Величестве.

— Благодарю, что узнали, — поклонился евнух Бао.

Он служил во дворце Цзычэнь и иногда подменял евнуха Юя. Министры, часто бывавшие у императора, хорошо знали его в лицо.

— Слава богам, я успел вас догнать. Его Величество желает вас видеть.

— Вот как? Что ж, идем.

Великий наставник Фан решил, что император хочет расспросить об успехах принцев, и спокойно последовал за слугой. Но когда они уже подходили к дверям дворца Цзычэнь, евнух Бао внезапно замедлил шаг и прошептал:

— Ваше Величество сегодня не в духе. Будьте осторожны, господин.

Фан кивнул.

— Благодарю за предупреждение.

Денег он предлагать не стал — такие слуги подношений от министров не брали. Переступая порог, Великий наставник Фан гадал про себя:

«Какой же наглец умудрился вывести из себя этого мнительного государя?»

Он склонился в поклоне:

— Да пребудет с Вашим Величеством мир.

Император Чунчжао окинул его холодным взглядом и произнес без всякого выражения:

— Ну и как, весело ли тебе играть с моим сыном?

Великий наставник Фан поднял голову, на его лице отразилось крайнее недоумение:

— Ваше Величество! Старый слуга всегда со всем прилежанием наставлял ваших сыновей и ни на миг не позволял себе небрежности. Особенно с Первым принцем — сегодня я даже дал ему дополнительные задания.

— Хм! — император помрачнел. — Еще смеешь поминать задания!

Он сокрушенно покачал головой:

— Ты слишком мало его нагружаешь!

Первый принц и впрямь вел себя непотребно, раз позволял себе такие речи.

Наставник промолчал, вовремя проглотив фразу «буду задавать меньше». Он лишь кашлянул и ответил со всей подобающей честностью:

— Ваше Величество правы.

— Ты так и не ответил: весело ли тебе играть с моим сыном?

— Ваше Величество, старый слуга несправедливо обвинен...

— Я спрашиваю, — перебил его император Чунчжао, — весело ли тебе было сидеть под столом вместе с моим сыном?

Великий наставник Фан мгновенно умолк. В комнате повисла неловкая, звенящая тишина.

Они несколько мгновений смотрели друг на друга в безмолвии. Император с раздражением наблюдал, как на лице этого старого греховодника вдруг расцветает едва ли не застенчивая улыбка.

— Ах... так вы уже знаете.

Император Чунчжао глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

— Ты... А ведь ты был моим учителем. Когда отец оставлял тебя подле меня, он говорил, что ты человек степенный и надежный. Наставник, сколько тебе лет? Степенность? Да как отец вообще мог произнести это слово? Кажется, он еще в молодости лишился зрения, если...

Последние слова он не договорил, но смысл был ясен каждому. Великий наставник Фан, опустив глаза, прикинулся глухим.

Государь отхлебнул холодного чая, усмиряя гнев.

— Маленький принц всё же принц. Как принц может учиться, сидя под столом? Если он хочет знаний, разве я стану ему мешать? Вот исполнится ему три года... весь дворец будет в его распоряжении. К тому же он совсем мал, что он может сейчас понять?

— Я ждал, что ты сам придешь ко мне с докладом. А теперь вижу: не узнай я об этом сам, ты бы так и продолжал скрывать правду. Сидеть на холодном полу под столом — это же чистое

безумие.

Наставник Фан вдруг тяжело вздохнул.

— Вы не видели Седьмого принца. Ребенок хоть и мал, но наделен редким умом. Он понимает куда больше, чем кажется. Если так будет продолжаться, в его сердце неизбежно пустит корни мысль: «Отец отрекся от меня».

— У детей свои правила. Ваше Величество, как вы думаете, почему Маленький принц готов прятаться под столом, лишь бы учиться?

— В таком возрасте детям полагается играть. Его тяга к знаниям — лишь способ привлечь ваше внимание.

Он сделал паузу и добавил проникновенно:

— Знаете ли вы, Ваше Величество, какое первое слово Маленький принц вывел при мне? Это было слово «Отец».

Если Фан надеялся этим смягчить государя, то он лишь подлил масла в огонь.

Гнев, который начал было затихать, вспыхнул с новой силой. Император Чунчжао трижды с силой ударил ладонью по столу, чувствуя, как сердце заходится в груди.

— Так он написал «Отец» или «Собака»?!

— Вы и об этом знаете?!

Ох, дело дрянь.

Великий наставник Фан поспешил исправить положение:

— В сердце он наверняка писал «Отец»! Принц еще дитя, ему и трех лет нет, разве он смыслит разницу между этими знаками? Он и кисть-то держать едва умеет... Не гневайтесь, Ваше Величество. В конце концов, в таких делах важнее помыслы, а не исполнение. Если смотреть в самую суть — разве это не проявление сыновней почтительности?

Почтительности?

Император Чунчжао смотрел на старика, который из кожи вон лез, выдумывая оправдания для маленького негодника. Государь глубоко вдохнул. Всего за два дня этот мальчишка умудрился

довести его до белого каления дважды.

Но самое обидное было в том, что, кроме этого гнева, он ничего не мог поделать.

Неужели он и впрямь станет всерьез сводить счеты с крошечным сорванцом из-за одного неверного иероглифа?

Впервые за долгое время император ощутил горький вкус полнейшего, невыразимого бессилия.

<http://bllate.org/book/16117/1584467>